Текст: Олег Дзюба

ВАСИЛИЙ ГОЛОВНИН — ИВАНУ КРУЗЕНШТЕРНУ: ВАМ ДОСТАЛАСЬ ДОБРАЯ ОПЛЕУХА!

АВТОР «РОДИНЫ» РАСШИФРОВАЛ ЗАОЧНЫЙ ДИАЛОГ ДВУХ ВЕЛИКИХ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ НА ПОЛЯХ КНИГИ, СЛУЧАЙНО ВЗЯТОЙ В БИБЛИОТЕКЕ

01

02

°1
Л. Блинов. Вице-адмирал Василий Михайлович Головнин. (1776-1831). 1853 год.

°2
Неизвестный художник. Адмирал Иван Федорович Крузенштерн. (1770-1846). XIX век.

°3
«Путешествие вокруг света в 1803-1806 гг. на кораблях «Надежде» и «Неве» под начальством Крузенштерна».

Эти три тома — «Путешествие вокруг света в 1803-1806 гг. на кораблях «Надежде» и «Неве» под начальством Крузенштерна» — понадобились мне для пустяковой сверки цитат. Заказал книги в хранилище библиотеки МГУ. Начал перелистывать — и взгляд тут же уткнулся в карандашные замечания на полях, сделанные неведомым читателем.

Встреча с Головниным

Перо читателя носилось по обочинам печатного текста стремительно, словно чайка над штормовыми волнами. Комментатор проявлял редкостное знакомство с корабельными порядками и с землями, близ которых шелестели паруса «Надежды» и «Невы». И не упускал случая уколоть автора: «Капитан Крузенштерн, будучи хорошим наблюдателем светил небесных, есть дурной замечатель дел человеческих, он верит всему на честное слово, а я знаю дело достоверно. Потапов был плут, готовый в неудаче своих предприятий обвинить не только бочки, но и самого Бога!» (по уверению штурмана Потапова, жестокие бури, а отнюдь не нехватка воды заставили экипаж зазимовать в Авачинской бухте Камчатки).

03

Разгадка ждала меня под кожей переплета, где я обнаружил не замеченную сразу бумажную обложку с надписью «Василию Михайловичу Головнину от сочинителя».

Первым рецензентом руководителя первой кругосветной экспедиции стал руководитель двух последующих кругосветок!

Вряд ли найдется в анналах истории нашего флота мореплаватель, о котором написано столько же, сколько о Головнине. Романы, беллетризованные биографии, издания и переиздания головнинских сочинений... Ему было о чем писать! Волонтерство на английском флоте в пору блокады наполеоновской Франции: легендарный адмирал Нельсон не оставил без похвалы способного русского моряка. Кругосветка на «Диане»: вчерашние союзники-англичане захватили судно в гавани Кейптауна, но через восемь с лишним месяцев Головнин исхитрился поднять паруса и ускользнуть из ловушки. Три года в японском плену. Сухопутное возвращение в Петербург. Приключения, приключения, приключения...

Их хватило бы, как и славы, на десяток человеческих судеб, но в августе 1817 года Головнин вновь во главе кругосветной экспедиции на шлюпе «Камчатка». Очевидно, что, готовясь к ней, он внимательнейше проштудировал записки своего предшественника.

Так состоялся заочный диалог наших великих соотечественников.

Думаю, выдержки из него будут интересны читателям «Родины».

О мздоимстве, бедности народа и русских первопроходцах

Крузенштерн: сетует на то, что приказчики Российско-Американской компании заботятся о своей только выгоде, а не о «пользе человечества», надеется на людей «честных и бескорыстных».

Головнин (гневно): «А где их взять? У нас и в судьи нельзя таких набрать, не токмо в приказчики!»

ФОТО АРТЕМА ГОРДЕЕВА

04

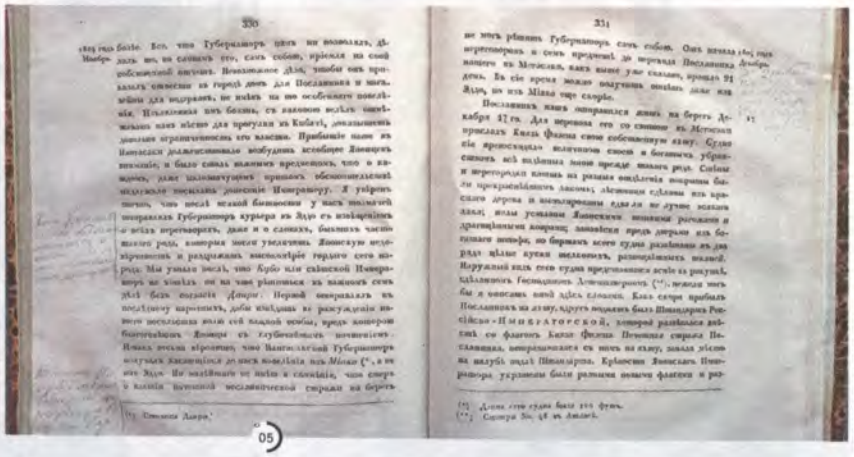


ФОТО АРТЕМА ГОРДЕЕВА

05

ОЧЕВИДНО, ЧТО, ГОТОВЯСЬ К КРУГОСВЕТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В АВГУСТЕ 1817 ГОДА, ГОЛОВНИН ВНИМАТЕЛЬНЕЙШЕ ПРОШТУДИРОВАЛ ЗАПИСКИ ПРЕДШЕСТВЕННИКА. ТАК СОСТОЯЛСЯ ИХ ЗАОЧНЫЙ ДИАЛОГ

Крузенштерн о жизни на Алеутских островах: «Год от году уменьшающееся число островитян и бедное состояние всех там живущих доказывает неоспоримо, что со времен овладения россиянами управляли оными люди, ревновавшие единственно выгоде компании, или, лучше сказать, своей собственной».

Головнин: «По всему видно, что правительство не читало сей книги, иначе взяты были бы какие-нибудь меры к искоренению зла! Впрочем, чему дивиться? Мы и под носом у себя не видим, что делается, взгляните на сие скопище нечестивцев и мздоимцев, на с...» (Разгадать многоточие Головнина нелегко. То ли мореплаватель имел в виду «самодержцев», то ли «слуг самодержцев», а может быть «сукиных сынов»?!—**Авт.**).

Крузенштерн: «Предназначенный жребием препроводить всю жизнь свою или многие годы в дальней стране (Камчатке—**Авт.**), в суровом климате, где царствует бедность, имеет право на некоторое за то вознаграждение. Да и само человечество требует принятия всех мер к сохранению здоровья и к избавлению от преждевременной смерти людей, служащих обществу».

Головнин: «У нас и в Кронштадте в 25 верстах от царя люди мрут от голоду и холоду, сочинитель хочет обратить внимание правительства за 13 тысяч верст!»

Крузенштерн: «Худой офицер, присланный в Камчатку, на неограниченное время, не имея никакой надежды выехать оттуда, ни мало не печется себя исправить... Слава всей нации может в таких отдаленных краях страдать от таковых людей, несущих имя Российского Офицера. О здешних лекарях сказать можно почти то же...Важнейшая обязанность врача долженствовала бы состоять в том, чтоб разъезжать по своим округам для подавания везде нужной помощи, а сим самым можно было удобнее и скорее приобретать разные сведения, касающиеся до естественного состояния сей страны».

°4
Бумажная обложка с посвящением Крузенштерна: «Василию Михайловичу Головнину от сочинителя».

°5
Разворот книги Крузенштерна с пометками Головнина на полях.

Головнин: «Они и ныне разъезжают. Только не для врачевания камчадал, а для сбору с них соболей!».

Крузенштерн: называет два сахалинских мыса в честь императриц в надежде, что «украсятся и расцветут сии дикие и бесплодные места именами... любезными россиянину».

Головин (иронично): «Правда, только украсятся ли имена сии дикими и бесплодными местами».

Зато, когда Крузенштерн называет мыс именем сибирского первопроходца Ерофея Хабарова «...для сохранения в памяти предприимчивого и искусного россиянина», Головнин одобрительно констатирует: «Память людей таких должно сохранять для потомков»!

О пирушках и штормах

Великим капитанам, однако же, ничто человеческое не чуждо и в обнаруженном мной диалоге иной раз всплывают подробности, далекие от хрестоматийного глянца.

Крузенштерн: упоминает последний вечер перед отбытием с Камчатки, когда на берегу состоялось «пиршество», устроенное для экипажа «Надежды» губернатором Кошелевым.

Головнин: с сарказмом добавляет, что на празднестве «...автору досталась добрая оплеуха, а г. губернатор полетел вверх ногами—и все это воспето стихами!»

Теперь и не прознать достоверно ничего о приключившемся накануне отбытия из Петропавловской гавани скандале. Могу лишь смело сказать на опыте собственной двенадцатилетней камчатской жизни, что традиции шумных проводов, заложенные двести лет назад, там не угасли до сих пор!..

06

Но не веселием единым жив моряк. Вслед за прощальной гульбой пришел черед нового рывка в неведомое.

Крузенштерн: «Положение наше было весьма неприятное, ибо мы находились близ опасных островов. Часто слышали мы шум разбивающихся волн, но не могли узнать, от буруна ли он, или от спорного течения происходит. В сем неприятном положении провели мы две ночи...»

Головнин хладнокровно помечает: «Иногда можно отличить шум буруна».

Иные эмоции были бы явно не к месту. Люди знали, на что шли, и помощи ни от кого не ждали. Угоди «Надежда» на рифы, праху ее капитана покоиться бы не в саркофаге под сводами Домского собора Таллина, а на диком берегу необитаемого острова, либо раствориться в пучине морской.

О грабеже аборигенов, китайском чае и эгоизме

Гигантские расстояния смазывали любые попытки местного начальства обуздать безудержные аппетиты с позволения сказать коммерсантов, беззастенчиво и безжалостно обиравших аборигенов.

Крузенштерн, не скрывая горечи, пишет: «Сей образ промысла купцов в Камчатке всегда был терпим. Но когда усмотрено было, что они умели договорить камчадалов до того, что сии не могли

°6
С.Пен. Шлюпы Крузенштерна «Надежда» и «Нева» у Гавайских островов. 2011 год.

иногда платить даже и ясака своего, то и постановлено было, чтоб купцы не начинали своего годового разъезда прежде 1 марта, в которое время принесена должна быть в казну подать мягкой рухлядью. Ныне злоупотребление сие пресечено... не позволяется им более производить продажу горячих напитков упомянутым образом, который приносил им великую выгоду, а камчадалам причинял крайнее разорение и гибель».

Головнин в отношении подобного запрета далек от иллюзий: «При нас вот как делалось: купец прежде подкупит начальника дать ему билеты на проезд по Камчатке будто бы по каким-нибудь делам, а потом уже, под защитою правительства обирает камчадал, как ему угодно»!

Крузенштерн: «Настоящее состояние духовенства в Камчатке есть предмет не недостойный внимания. Мне удалось видеть только двух священников, Большерецкого и Петропавловского, первый приехал в Петропавловск скоро по прибытии нашем с весьма дорогим пушным товаром, и по продаже оного домой отправился; и так я не могу ничего сказать о его поведении: но о последнем узнали мы, что он делает своему состоянию великое поношение. . Сказывают, что камчатские священники вообще не лучше поведением своим Петропавловского, а потому и нетерпимы камчадалами».

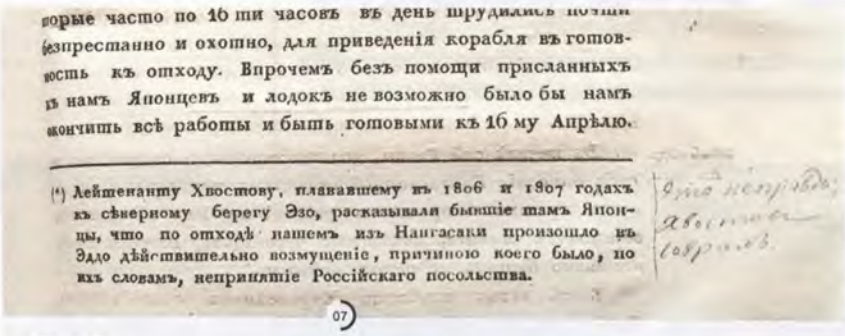
Головнин ядовито замечает: «А где он взял сей дорогой товар? Вот и пример его поведения»!

Крузенштерн: «Если бы торг Росссиян с Кантоном утвердился, чего ожидать, кажется, не невозможно; в таком случае привоз в Россию дешевого чаю мог бы сделаться благотворением для недостаточных жителей сего государства, которые привыкнув мало помалу к сему здоровому напитку, вероятно, начали бы употреблять менее вина горячего... Российсий народ может привыкнуть скоро к чаю, который кажется быть по его вкусу, как то испытал я на корабле своем. Служители «Надежды», включая многих, отказались все от своей порции французской водки и арраку, чтобы получить только вместо того порцию чаю»...

Головнин куда менее оптимистичен: «Кому верить? Что один называет здоровым напитком, другой именует сущим ядом!».

А вот в Макао Крузенштерн не нашел общего языка с голландцами и отпустил несколько шпилек в адрес выходцев из тюльпановой страны. Обижаться было из-за чего. Англичане не поскупились и познакомили Ивана Федоровича со своими мореходными картами, а голландцы делиться драгоценной навигационной информацией не пожелали, поэтому в вечность на страницах книги Крузенштерна не попали.

Головнин отпустил по этому поводу чеканный афоризм: «Эгоизм, сия главная пружина человечески деяний».



порые часто по 16 ти часовъ въ день шрудились нотщи безпрестанно и охотно, для приведенія корабля въ готовность къ отходу. Впрочемъ безъ помощи присланныхъ къ намъ Японцевъ и лодокъ не возможно было бы намъ окончить всѣ работы и быть готовыми къ 16 му Апрѣлю.

(*) Лейтенанту Хвостову, плававшему въ 1806 и 1807 годахъ къ сѣверному берегу Эзо, расказывали бывшіе тамъ Японцы, что по отходѣ нашемъ изъ Нангасаки произошло въ Эдо дѣйствительно возмущеніе, причиною коего было, по ихъ словамъ, непринятіе Россійскаго посольства.

07

Это неправда; Хвостов соврал.

ФОТО АРТЕМА ГОРДЕЕВА

К СЧАСТЬЮ, ТРЕХТОМНИК ЧУДОМ ПОПАЛ В БИБЛИОТЕКУ МГУ. РИСКНУ ПРЕДПОЛОЖИТЬ, ЧТО КАРАНДАШНУЮ СКОРОПИСЬ ГОЛОВНИНА НА ПОЛЯХ НИКТО ДО МЕНЯ ПРОЧИТАТЬ НЕ УДОСУЖИЛСЯ

Об их общей ошибке

Вчитываясь в пожелтевшие страницы, убеждаешься, что мир и тогда был тесен. В Китае Крузенштерн обзавелся книгой английского капитана Броутона, которая перед отплытием «Надежды» из Санкт-Петербурга еще не вышла из печати. Броутон несколькими годами ранее пытался найти гипотетический пролив между Сахалином и Евразией. Тем же занимался и Крузенштерн, так что броутоновы записки подоспели вовремя.

Козырной картой противников существования пролива были наблюдения Лаперуза, безуспешно искавшего тот же проход, надеясь побыстрее достичь Камчатки. Лаперуз вел свои фрегаты «Буссоль» и «Астролябия» на север, пока позволяла глубина, и на 51-й параллели решил в конце концов, что находится в заливе не имеющем выхода в Охотское море.

Крузенштерн из полученной в Китае книги выяснил, что Броутон прошел на восемь миль дальше Лаперуза и тоже счел , что угодил в предел «великого залива Татарии». Наблюдения самого Крузенштерна вполне совпали с данными предшественников. Осторожный Иван Федорович все же избежал категоричности и предположил, что Сахалин был некогда островом, но с течением времен пески, приносимые Амуром, соединили его с континентом.

Головнин оказался резче в суждениях, приписав тут же, что «река Амур никогда ни для кого не может быть полезна как морская пристань».

Четыре первопроходца угодили в западню одной и той же ошибки, причем ни одному из них не довелось узнать о своей неправоте. Лаперуз сгинул в Тихом океане и следы его отыскались лишь в третьем

°7
«Это неправда. Хвостов соврал», — пометка Головнина на полях книги Крузенштерна.

десятилетии XIX века. Головнин умер от холеры летом 1831года, а Крузенштерн ушел из жизни всего за два года до первого плавания Геннадия Невельского, который все же провел свой транспорт «Байкал» неведомым проливом в 1848 году. И удостоился высшей чести для любого моряка, оставив свое имя на карте.

Отмечу при том, что Невельской учился в Морском корпусе в пору директорства там Крузенштерна. Доживи Иван Федорович до возвращения Невельского и он вполне мог бы пойти по стопам Василия Жуковского, подарившего Александру Пушкину портрет с надписью « Победившему ученику от побежденного учителя»!

08

Об истории их встречи

Рассказ о заочном диалоге двух великих капитанов я завершу еще одним—маленьким!—путешествием по титульному листу и форзацу крузенштерновского труда.

Как попал он в библиотеку МГУ?

Судя по экслибрису сына мореплавателя, бывшего одно время министром просвещения при императоре Александре II, книги хранились в родовой усадьбе Головниных. Имение это в селе Гулынки Рязанской губернии после революции 1917 года было разграблено. Но фамильная библиотека на самокрутки все же не пошла, ее успели вывезти в столицу, в фонды библиотеки Московского университета. Однако трехтомник Крузенштерна при этом каким-то образом сбился с общего книжного пути и, как убеждают оттиски штампов, в 1930-е годы попал в каталог «Международной книги», занимавшейся продажей раритетных изданий за границу.

Книги с такой родословной могли бы лишить хладнокровия даже хранителей Библиотеки Конгресса США или Британского музея. Но, к счастью, трехтомник угодил в библиотеку ТАСС, в которой задержался на двадцать лет, после чего перебрался в библиотеку МГУ имени М.В. Ломоносова.

Рискну предположить, что карандашную скоропись Головнина на полях за годы перемещений во времени и в пространстве никто до меня прочитать не удосужился.

Множество неведомых доселе берегов нанес на карты Василий Михайлович Головнин, но ни разу не оставил на них своего имени, хотя, будучи первооткрывателем, имел на это полное право. К счастью, его похвальную, но все же чрезмерную скромность потомки сочли возможным не воспринимать как руководство к действию. Мне доводилось прилетать на остров Кунашир в аэропорт поселка Головнина, любоваться вулканом Головнина на тех же Южных Курилах, проходить проливом Головнина из Тихого океана в Охотское море между островами Райкоке и Матуа.

Есть гора Головнина и на Камчатке, которую он трижды навещал. Любопытно, что в третий визит Головнин доставил своему другу начальнику Камчатки Петру Рикорду, вызволившему Василия Михайловича из японской неволи, рояль для его жены. Выходит, что первые фортепьянные аккорды на российских тихоокеанских берегах прозвучали тоже благодаря Головнину.

А о своих главных заслугах он лишь вскользь намекнул в примечании к труду Крузенштерна.

Иван Федорович писал, что, видно, изумятся европейские картографы, получив ценнейшие сведения о неведомых землях и морях «от... народа, от коего, может быть, совсем того не ожидали».

По этому поводу Головнин приписал: «Не ожидали, однако и имели право ожидать»!

°8
Деревня айнов на острове Сахалин.

°9
Вулкан Головнина на Южных Курилах.

09

Чем завершить заочный диалог двух великих мореплавателей? Думаю, двумя короткими репликами, актуальными во все времена.

Размышляя о миссии первооткрывателей, Крузенштерн писал:

«Мореходец должен поставить себе законом, чтобы возможно не приближаться к путевым линиям своих предшественников... Я старался следовать сему правилу, сколько позволяли обстоятельства».

Головнин, столько раз не соглашавшийся с автором записок, стремительным своим почерком подтвердил:

«Правда!»